

Эдуард СЕМЕНОВ

Криминальная
драма

СУК*

ВТОРАЯ ДРЕВНЕЙШАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА
«СУК*.ПЕРВАЯ ДРЕВНЕЙШАЯ»

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сук*

Эдуард Семенов

Сук*. Вторая древнейшая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Семенов Э.

Сук*. Вторая древнейшая / Э. Семенов — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Сук*)

ISBN 978-5-532-07935-9

Кровавые 90-е уже позади. Все, кто выжил в те годы, имеют свой бизнес и солидное положение в обществе, но старые грехи никому не дают спать спокойно. Как сложилась судьба у бывшей проститутки Людки по прозвищу Пружина? Куда забросила жизнь бывшего охранника и убийцу Захара Васильева? Что произошло, когда их пути-дорожки снова пересеклись? Ответы на эти вопросы можно будет прочитать в новом романе, который является продолжением криминальной саги "Сук*. Первая древнейшая". И это еще не все! Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07935-9

© Семенов Э., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Мораторий	5
Глава 2. «ПростоКино»	10
Глава 3. Черный слон	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1. Мораторий

Людмила Васильевна Пружникова, в замужестве Кобалева не любила, когда ее называли Пружина. Это напоминало ей о ее молодости. Тем не менее, муж, заместитель министра юстиции Валентин Сергеевич Кобалев, откуда-то узнал ее прозвище, и в минуты редких семейных скандалов, когда хотел посильнее задеть свою благоверную, называл ее именно так.

– Ну, что Пружина делать-то будем дальше? – спросил Валентин Сергеевич, спускаясь к завтраку. Он был в пижаме и домашних тапочках, а на голове надета сеточка, которая придерживала его редкие волосы. Людмила ненавидела его за эту сеточку. Уж, лучше бы он постригся на лысо. Сколько раз она ему это говорила. Выглядел бы брутальным. Но нет, он упорно носил сеточку, а на работу выезжал в сером костюме и неприметном галстуке. Хотя нет, галстуки он все же в последнее время стал надевать красивые. Интересно, что-то случилось? Любовницу завел? Ну, может быть.

Людмила, одетая в шелковую пижаму, которая так ей шла и отлично подчеркивала аппетитные формы, налила две чашки кофе из итальянской кофемашины, дождалась, когда выскочат тосты. Взяла их щипчиками, положила на тарелку. Подала к столу. Там уже стояли масло, джем, дымились овсянка.

– Что опять не так? – уже по голосу она поняла, что Валентин чем-то недоволен. – С утра ты снова начинаешь скандалить. Я же просила тебя, не напоминать мне о моей молодости. Неужели это так сложно?

Валентин Сергеевич отодвинул стул и уселся своим непропорционально большим задом на мягкое сидение. За годы совместной жизни он даже не чуть-чуть раздался вширь, его щеки стали лосниться он регулярной и вкусной домашней еды, у него было хорошее положение в обществе, и на службе. Его жена была образцовой хозяйкой, к тому же постоянно была на виду. Благодаря ему она сделала отличную карьеру в журналистике, сейчас уже руководила небольшим телеканалом. У них росла прекрасная дочь.

И вот на этом, пожалуй, хорошие новости заканчивались. Буквально на днях, в тайне от жены он сделал тест на отцовство, который показал, что биологическим отцом Настеньки, является совершенно другой мужчина. Учитывая обстоятельства их женитьбы, он, конечно, подозревал это с самого начала, но одно дело подозревать, а совсем другое – знать точно. Более того, он практически наверняка знал, что отец – Захар Васильев. Охранник и серийный убийца, оказавший сопротивление при задержании, убивший милиционера. Тогда шесть лет назад, суд вынес однозначный вердикт – смертный приговор. Наверняка, но не точно. И только это его пока и успокаивало.

Валентин Сергеевич налил себе каши, вдохнул ее аромат. Посмотрел на красавицу-жену. В этот момент по лестнице, волоча за собой куклу, спустилась Настя, чудный и непосредственный ребенок. Она подбежала к нему, и, обняв за коленку, пролепетала.

– Доброе утло, папуля! – Посмотрела на мать. – Доброе утло, мамуля!

«Р» она еще не выговаривала, поэтому и употребляла везде, где можно, слова с буквой «л». «Папуля» и «мамуля» у нее получались лучше всех. Валентин Сергеевич тут же растаял. Подхватил дочь на коленки. Начал с ней разговаривать.

– Ну, как спалось нашей принцессе? Что ей снилось!

Дочь поцеловала его в еще небритую щеку.

– Холошо.

Сползла с коленок, и пошла на свой стульчик. Посадила на стол куклу и стала ее кормить.

– За папулю, за мамулю.

Валентин Сергеевич проводил ее умильным взглядом, и не глядя в сторону жены сообщал ей.

– Вчера президент подписал мораторий на смертную казнь.
– И что? – тут же отреагировала Людмила. Новость ее никак не поразила.
– А то, что смертных приговоров больше у нас в стране не будет. – Кобалев внимательно посмотрел на Людмилу. Ее реакция его озадачила.

Дочка с интересом посмотрела на родителей, и, измазав рот куклы кашей, повторила.

– Ты слышала, Катя, больше у нас не будет в стране смертных приговоров. Давай, кушай!

Людмила с ненавистью посмотрела на Валентина.

– Давай об этом не при ребенке. Хорошо?

Валентин Сергеевич пожал плечами.

– Как скажешь. У тебя сегодня что?

Людмила села на свое место.

– Сейчас в редакцию. Потом поеду на благотворительный обед. Вечером фотосессия. Может быть в течение дня встречу с Котовым. Он звонил, просил подписать кое-какие бумаги.

Валентин Сергеевич взял в руки кофе.

– Тебя подвезти.

– Да если можно.

Раздался звонок в дверь. Они оба посмотрели на часы. Было восемь часов. Значит, пришла няня. Настя захлопала в ладоши.

– Уля, Зуля пришли. Мы сейчас пойдем гулять!

Людмила ушла открывать дверь, а Валентин Сергеевич продолжил общение с дочерью.

– Ты покушала? Что тебе привезти?

Дочь покачала головой.

– Ох, балуете Вы меня!

Валентин Сергеевич засмеялся и притянул ее к себе, вдыхая ее сладкий аромат.

– А кого же мне еще баловать, золото ты мое.

Уже в машине, пробираясь по бесконечным московским пробкам, Людмила снова вернулась к разговору на кухне.

– К чему ты завел этот разговор о смертной казни при ребенке?

Людмила вдавилась спиной в кожаное кресло, ожидая ответа. Посмотрела на своего мужа.

– Ты не догадываешься?

– О чем я должна догадаться?

Валентин Сергеевич достал из кармана переднего кресла листок бумаги. Протянул ей.

– Это результаты днк-анализа. Отец Насти не я.

Людмила брезгливо посмотрела на листок и не стала даже брать его в руку.

– Убери эту гадость. И слышать не хочу об этом. Настя твоя дочь. И точка. Кто еще может быть ее отцом. Что за чушь ты мне подсовываешь.

Валентин Сергеевич заглянул ей в глаза и долго смотрел. Она ни разу не моргнула и не отвела взгляда. Он хотел бы увидеть в них честный ответ, но глаза были черны как бездна. Он пожал плечами и снова достал уже несколько листков из кармана.

– Вот списки тех, в отношении которых наступил мораторий. Они теперь будут сидеть пожизненно. Всего около 900 человек. Их распределят по шести зонам.

Людмила покосилась на листки и снова не взяла их в руку.

– Мне это не интересно.

Потом нахмурилась, и вдруг что-то сообразив, выхватила их из рук мужа.

– Хотя нет, давай сюда. Это же отличная тема для репортажа. Надеюсь, ты мне сейчас предлагаешь инсайд?

Валентин Сергеевич хмыкнул.

– Ну, мы же семья, как ни как. Да, эта информация пока еще засекречена. Только через неделю президент озвучит свое решение перед СМИ. У тебя есть время подготовить репортаж и выстрелить.

– Спасибо, дорогой!

Людмила наклонилась через сидение и поцеловала Валентина в щеку, а потом стерла с нее помаду, и потрепала за кожу.

– Все же, ты у меня умница. И Настя, вся в тебя!

Валентин отвернулся. Он был бы готов отдать целую руку на отсечение, что бы это было так, но факты, а он привык верить фактам, говорили об обратном.

Людмила Васильевна попрощалась с мужем и вышла из машины, проводила взглядом.

Черный представительского класса лимузин, плавно отъехал от тротуара и снова влился в автомобильный поток. Кобалеву как чиновнику высшего уровня была положена синяя мигалка, и он легко мог сейчас, включив ее, распугать всех водителей, но в последнее время, с легкой подачи его супруги, охота на «синие ведерки» стала национальным видом спорта в столице.

Репортажи о том, как чиновники злоупотребляют своим положением, стоили карьеры многим его товарищам, поэтому он давно уже приказал своему водителю отключить сигнал.

Людмила довольно улыбнулась. Нет, все-таки муж у меня ручной. Совсем ручной. Пока ручной. Ну, вот зачем он вспомнил про этот мораторий? И зачем начал копать про Настю? Конечно, видеозапись, где они развлекались в бане, которая и стала причиной их женитьбы, сегодня давно стала уже просто семейным видеоархивом. После печати в ее паспорте, и смены фамилии, публикация этих видеоматериалов шла бы по статье вторжения в личную жизнь. Хм, он начал надевать яркие галстуки? Нет, все-таки завел кого-то на стороне. И ищет козыри для развода? Ну, это мы выясним. Да, хотя бы и развод. Плевать.

Она посмотрела на бумаги, которые так и продолжала держать в руке. Мимо проходили сотрудники ее телеканала.

– Здравствуйте, Людмила Васильевна! Доброе утро, Людмила Васильевна!

Людмила машинально отвечала им, кого-то она узнавала, кого-то нет. Да, штат ее сотрудников разросся в последнее время. Всех и не упомнишь.

Людмила прошла через главную проходную телецентра. Как и все предъявила пропуск. На лифте поднялась к себе на этаж. Прошла по коридору. Этот проход всегда был очень важен для нее. Это было все равно, что пройти по красной дорожке или по подиуму. Всегда шикарная, всегда модная. Листки в руке жгли даже через тонкую кожу перчатки.

– Соберите мне всех редакторов, – приказала она секретарше, проходя в свой кабинет. – Да, по живее.

И уже стоя в дверях, проведя руками по бокам своего делового костюма, который сидела на ней как влитой, добавила.

– Как обычно. И пироженку какую-нибудь из столовой. По свежее.

Первый в ее кабине вошел Котов. В идеальном костюме, очки в золотой оправе. Массивный браслет на часах. Пиджак, конечно, уже был не малиновый. А вполне себе цивильный. Наверняка, купленный где-то на распродаже в Милане. От Котова пахло обалденным мужским парфюмом, и Людмила с обожанием втянула в себя этот запах.

Она привычно подставила ему щеку. Он чмокнул ее и чуть задержался, явно намекая на то, что их отношение чуть больше, чем деловые.

– Ну, что за спешка, Людмила Васильевна? Что опять стряслось? – спросил он Людмилу, усаживаясь на свое привычное место. Не за столом, где сидели редактора программ, а в отдель-

ном кресле. Чуть в стороне, как шутили на канале, у ног королевы. А вернее у стенки, на которой висели многочисленные дипломы и награды их телеканала, и на специальном столике стояла статуэтка престижной премий «Ника».

В кабинет стали заходить сотрудники.

– Разрешите! Разрешите!

Они рассаживались на свои места и раскрывали блокноты, готовясь записывать. Людмила с извинением посмотрела на Котова.

– Сейчас все расскажу, Андрюша, – она доверительно моргнула глазами, – ты, пожалуйста, останься после совещания.

Когда секретарша внесла кофе и пироженку, все расселись. Людмила отхлебнула из чашечки, со вздохом посмотрела на эклер, и обратилась к сотрудникам.

– Коллеги. У меня очередной инсайд. Как обычно не спрашиваем откуда. Информация точная, проверенная, но времени мало.

Окинула всех взглядом. Никто не смутился. Все преданно ждали продолжения.

– Через неделю президент объявит о моратории на смертную казнь. Около 900 приговоренных к смертной казни будут распределены по шести специальным колониям, где они проведут остаток своих дней.

Всех с интересом зашевелились. Кто-то даже сделал какие-то записи.

– Вот список этих... – она замолчала, подбирая слова, – преступников, с распределением их по новым местам отбывания наказания. Не мне Вам объяснять, что через неделю эта тема будет самой обсуждаемой в стране. В связи с этим, мы можем очень хорошо и грамотно выстрелить. Какие будут предложения?

С разных точек стола в сторону Людмилы полетели слова редакторов.

– Интервью... репортаж... специальный репортаж... Прямой эфир... Расследование. Ток-шоу.

Людмила улыбалась. Все верно. У нее лучшие в мире сотрудники. Акулы пера. Быстро раскидав задания по редакциям, она взяла один листок в руки, посмотрела на него. Посмотрела на Котова и тут же всех остановила.

– Знаете, что! А не потряхнуть ли мне стариной. Давайте так, все остается как прежде, но вот репортаж из этой колонии, – Людмила ткнула пальцем в листок, как будто наугад, – будут делать я сама лично. Надеюсь, никто не будет возражать?

Она посмотрела на руководителя отдела репортажей.

– Виктор Сергеевич, вы не против?

Седой мужчина, в толстом свитере, и с растрепанной шевелюрой пожал плечами.

– Какие могут быть возражения. Когда едем? Кого Вам дать оператором?

– А что сами не сможете?

Виктор Сергеевич, еще равнодушнее поднял одно плечо.

– Можно и мне.

– Вот и отлично. Нам еще понадобятся свет, косметичка. Кто еще?

Она посмотрела на Котова, тот со вздохом продолжил список.

– Водитель, охрана. На всякий случай. Ну, и я тоже поеду с тобой. В качестве юриста. Мало ли что.

– Отлично, – Людмила посмотрела на своих журналистов, хлопнула в ладони. – Работаем, господа. Все материал должны быть готовы к выступлению президента. Вопросы есть? Вопросов нет. Витя, я к тебе попозже сама забегу. Обсудим детали, – сказала Людмила своему оператору, и повернулась к Котову, давая всем понять, что хочет остаться с ним.

Вереница редакторов потянулась к выходу.

– Ну, что скажешь, – обратилась Людмила к Котову, когда все вышли, и потянулась, наконец, за пироженкой. Но тот ничего не сказал, он чуть привстал со своего места взял в руки листок со списком заключенных. Быстро прочитал его и понимающе хмыкнул. Все понятно. «Васильев З.А. Смертная казнь. Колония «Черный слон».

– Что, захотелось снова посмотреть не любимого?

– Не говори ерунды, – Людмила откусила пирожное и застонала от удовольствия. – М-мм, как вкусно.

Пироженка была маленькой, поэтому было проглочено в один присест и Людмиле осталось только облизнуть пальцы. У нее на губах осталось немного красного крема. Он алел на губе, как капля крови, отчего Людмила стала похожа на вампиришу. Людмила эротично смахнула языком крем и снова стала милой дамой.

– Дело совсем в другом!

Она быстро рассказала Котову о том, что Кобалев сделал днк-экспертизу и выяснил, что не является отцом ребенка.

– Он, конечно, догадывается, что настоящий отец – Захар, но прямых доказательств у него пока видимо нет. Иначе бы он мне их предъявил! Думаю, что ему не составит труда при необходимости взять анализ ДНК у заключенного.

Людмила еще раз облизнула пальцы.

– Я вообще думала, что он давно уже расстрелян, а место его захоронения скрыто. Как пишут в отчетах.

– Не совсем, понял, что тебе этот Захар? – удивился Котов, – ну будет он сидеть до конца жизни. И что?

Людмиле пришлось рассказать Котову о галстуках Кобалева.

– Если у него будет днк Васильева и Насти и они естественно совпадут, то тогда он легко подаст на развод, и я останусь полной дурой, а вместе с этим полетят в тартарары все наши дела по Шакро. Как ты сам понимаешь, канал закроется...

При слове «канал» Людмила сделала двумя пальцами жест, как будто показывала его двойное значение, – а вместе с ним и наше привилегированное положение. Если днк Васильева не будет, то его экспертиза днк дочери ничего не стоит. Врачебная ошибка, не более. Я в этом смогу убедить Валентина.

Она ласково посмотрела на Котова.

– Мы ведь сможем сделать такую же, но где будет написано, что он стопроцентный отец. Котов хмыкнул.

– В России пока такие экспертизы делает одна-две лаборатории. И все хотят кушать, а бумага все стерпит. Но что ты задумала?

– Пока не знаю, – Людмила встала и пересела на колени Котова, – Но понимаю, что должна буду встретиться с Захаром, и, желательно, чтобы эта встреча была последней.

Котов попытался отстранить ее от себя, чтобы заглянуть в глаза и увидеть, правильно ли он понял последние слова, но она не дала ему это сделать. Людмила зашептала Котову в ухо.

– Как же я соскучилась по тебе.

Котов ответил ей поцелуем, но сидеть с запрокинутой головой было неудобно, поэтому он был не долгим. Котов отстранился.

– Прямо, как студенты. Давай после обеда завалимся в отель или баню, отдохнем, как следует.

Людмила встала, одернула юбку.

– Ну, никакой романтики. Ладно, давай. Заодно и с Шакро повидаемся. Отчитаемся. Поставим его в курс дела. Все обсудим.

Глава 2. «ПростоКино»

Ресторан, а по совместительству – отель и спа-центр, куда после обеда приехали Людмила и Котов, назывался «ПростоКино». Это была большая огороженная территория на правой, не московской стороне МКАДа. Двигаясь по кольцу, можно было незаметно свернуть вправо, проскочить через ворота, сильно похожие на ворота «Мосфильма», припарковаться так, чтобы было не видно, кто выходит из машины, и пройти в центральный зал ресторана или отдельный кабинет, а оттуда – в номера, сауну, тренажерный или кинозал. В зависимости от интересов.

Все помещения ресторана были украшены в стиле советских и зарубежных фильмов. Каждая кабинка, как отдельное кино. «Мимино», «Кавказская пленница», «Белое солнце в пустыне», «Джентльмены удачи», были залы с «Терминатором», «Рембо» и «Рокки», конечно «Девять с половиной недель» и «Дикой орхидеей». Фотографии артистов, режиссеров, их автографы, личные вещи и реквизиты соседствовали с изысканными блюдами, дорогим вином и простыми радостями обеспеченных гостей владельца этого оазиса.

Практически в каждом углу стоял штатив с кинокамерой, направленной на гостей. По их желанию и только так, за этим следили строго, камера могла включиться, транслируя на экран момент трапезы. Создавалось впечатление, что гости сидели внутри их любимого фильма и даже играли в нем какие-то роли.

Директором развлекательного комплекса числился предприниматель Мишико Цепаридзе. Он оформил эту землю в аренду еще в далекие 90е годы, а затем выкупил ее и понастроил на ней зданий. На самом деле Мишико был только номинальным владельцем всех этих хоромов. Настоящим хозяином этого культурного центра был «вор в законе» Шакро Старый. Он вложил деньги в этот проект, после того как власти стали закрывать казино. Но об этом знал лишь узкий круг, весьма приближенных к «уважаемому человеку» людей.

Людмила и Котов входили в этот круг. Когда они вошли в его кабинет, оформленный в стиле «Крестного отца», Шакро сидел на обычном табурете и кормил мясом овчарку. Молодого пса. При появлении непрошенных гостей собака зарычала и показала клыки.

– Ну, ну, не рычи Марио, свои, – он погладил пса по голове, и тот от прикосновения руки хозяина прижал уши и завилял хвостом.

Шакро сидел, широко расставив ноги, выпятил свой огромный живот, и тяжело дышал. Он был одет в простые широкие штаны, белую рубашку и черный жилет.

– Отдохнуть приехали? Сейчас все организуем.

Он хлопнул в ладоши. Появился администратор. По кивку головы шефа все понял, ушел.

– Отобедаете со стариком?

– Отобедаем, Шакро Автандилович, – ответила за обоих Людмила, садясь за стол, и тут же добавила. – Тем более что у нас к Вам разговор есть небольшой.

– Разговор, это хорошо, Людмила Васильевна, – продолжая пребывать в благодушном настроении, ответил ей старый вор, – хороший разговор лечит душу, укрепляет аппетит и продлевает жизнь. Садитесь.

Шакро жестом указал на стол, на котором уже стояли приборы.

– Но не всем, – в тот ему вставила Людмила Васильевна, сразу настраивая Шакро на серьезный разговор.

Шакро возмутился.

– Вот что Вы женщины за народ, – всплеснул он руками. – Неужели, о серьезном нельзя поговорить после еды. Кушать же надо с удовольствием. Понимаете, молодые люди, – он растянул это слово, сложив перед губами три пальца, смакуя слово, – с удовольствием.

Принесли шашлык. Шакро разломил кусок мяса руками, посмотрел качество прожарки. Немного с кровью. Как он любил. Кинул один кусок псу. Посмотрел, как тот его поймал на

лету. Съел. Подождал немного. Отправил кусок мяса себе в рот. Запил вином из кувшина. Посмаковал. Предложил парочке.

– Попробуйте, превосходное, – пояснил Шакро. – Именно такое пил Марио Пьюзо, когда создавал свой шедевр. Мне коллеги из Сицилии прислали.

Людмиле было тяжело унять свой темперамент. Но пришлось. Шакро ей был очень нужен для выполнения своего плана. От его решения зависело многое, если не все. Ей пришлось вспомнить все, что она когда-то знала про фильм Копполы, чтобы поддержать беседу. Поговорив о достоинствах фильма, только минут через десять она смогла вставить в разговор.

– Жаль только, что кино все равно не может показать все прелести жизни. Согласитесь снимать кино все же лучше, чем смотреть?

– Не могу сказать, – ответил Шакро. – Никогда не снимал фильмов. Я, наверное, больше кинолюбитель. Со временем становлюсь все сентиментальнее и сентиментальнее. Смотреть, наблюдать, мне интереснее. Однако я понимаю, о чем вы говорите, Людмила Васильевна. В вашем возрасте я тоже хотел был режиссером своей жизни. И все делать сам, своими руками, – Он немного помолчал и продолжил. – Спасибо, что уважила старика. Теперь говори, какое у тебя дело.

Людмила в очередной раз повторила свой рассказ о Захаре, про мужа и про предполагаемый развод. Она не стала говорить, чем это чревато, потому что отлично понимала, что Шакро все осознал с полуслова. Однако в финальной части, все же не удержалась и добавила.

– Чтобы решить эту проблему, Шакро Автандилович, я прошу у Вас разрешения использовать ваш авторитет в определенных кругах.

Шакро с первых слов Людмилы не смотрел на нее, а уставился в стену, практически ушел в себя. Ему сразу стало понятно, что из-за такой, казалось бы, ерунды, отлаженному и вот уже долгие годы безупречно работающему бизнесу может прийти конец. Шакро, не был бы Шакро, если бы не почувствовал опасность там, где она только намечалась.

Правда, его это уже не пугало. Денег он заработал столько, что их не смогут потратить даже его внуки. К тому же если закрывается один канал для бизнеса, значит, обязательно откроется другой. Не было еще такого случая, что бы ни открылся. Все люди слабы, все хотят кушать, и хорошо кушать. Не более. А то, что должно произойти в каком-то смысле было покруче любого фильма. Очень интересно посмотреть, чем же все закончится. В любом случае он будет наблюдать за всем как кинолюбитель. Не более того.

Он снова отломил кусок мяса и дал его с руки своему псу.

– Знаете, почему я никогда не доверяю сукам? – И понимая, что ответа не будет, продолжил. – Они могу укусить руку, которая ей дает мясо. А вот кобели на такое не способны.

Людмила выдержала выпад в свою сторону.

– Я не сука, Шакро Автандилович, и пришла, к Вам, чтобы решить нашу общую проблему. Еще не все потеряно. Мне нужны лишь ваше одобрение и совсем немного помощи. Совсем чуть-чуть?

Людка показала двумя тонкими пальчикам с аккуратными маникюром, сколько ей нужно помощи. Действительно расстояние между подушечками пальцев было микронное. Шакро не устоял.

– Ну, да. Ну да. Конечно. А можно по подробнее. Что ты задумала?

Людмила наклонилась вперед и стала шептать ему свой план. Котов даже не пытался его подслушать, так как уже его знал. Поэтому он просто ел и смотрел на Людмилу, которая в этот момент больше напоминал Миледи, которая шепчет на ухо кардиналу, что-то коварное про короля и трех мушкетеров. Людмила закончила говорить. Отстранилась от уха.

– Естественно всю ответственность я беру на себя.

Это понятно, – Шакро поразило только одно, с какой легкостью эта женщина манипулирует окружающими ее мужчинами, и приносит в жертву не просто человека, а отца ее ребенка.

Причем готова сделать это своими руками, забравшись в буквальном смысле к черту на лопату. В самое страшное место во всей матушки России. Не! Все-таки она сука. Причем редкая. И для чего? Чтоб продолжать жить самой в неге и богатстве. Н-да, дела.

Шакро брезгливо и, не скрывая этого, вытер свое ухо. Но он сам же недавно рассуждал, что человек слаб. И тем более, сам он остается в стороне.

– Если бы мне это сказал какой-то другой человек, Пружина, я бы его тут же растворил в серной кислоте, – он намеренно вспомнил ее кличку, – но тебя я услышал, и готов пойти на встречу, тем более, что речь идет о нашем бизнесе.

Людмила положил ладонь себе на грудь.

– Шакро Автандилович, уверяю Вас, если бы был другой способ. Я бы так не рисковала.

– Не сомневаюсь, – Шакро еще немного подумал и все же произнес.

– Хорошо, можешь использовать все наши ресурсы. И мое имя.

Старый вор посмотрел на Котова. Ему не надо было говорить, что юрист должен быть всегда рядом, все контролировать и держать его в курсе. Так было всегда. Так будет и впредь. Вошел администратор, сообщил, что баня готова.

– Идите, отдыхайте, – отпустил их Шакро, но напоследок все же не выдержал, – Если что-то пойдет не так, пеняй на себя. Слышишь. Сормлю все псу, а что останется, сожгу в кислоте.

Пес был умным животным, он понял, что речь пошла о нем, и зарычал. По задумке Шакро, у того, кому предназначался рык, должен был пробежать мороз по коже. Но такое бывает только в кино.

– Что-то холодно тут у Вас стало, – Пружина демонстративно поежилась и взяла Котова под руку. – Пойдем-ка мы лучше погреемся.

Людмила несколько не испугалась слов Шакро. Конечно, она могла проверить всю операцию и без его ведома, но сейчас у нее был карт-бланш. Она всегда могла теперь прикрыться именем Шакро. Туда, куда она собиралась попасть, там оно имело вес. Но для полной безопасности у нее был еще и Валентин, и пока у него нет доказательств ее измены, он ее защитит лучше любого бронезилета. Все-таки она – жена замминистра. Не хухры-мухры.

Да и Котов, рядом. Не даст споткнуться. Она как паучиха сплела вокруг себя сеть, и теперь дергала за ниточки, заманивая в нее свою жертву. Осталось только нанести один точный и смертельный укол, чтобы жертва тихо уснула. Уснула навсегда. Какое-то время она рассуждала, а стоит ли ей самой этим заниматься? Может, лучше найти исполнителя? Но в конечном итоге пришла к выводу, что чем меньше людей знает, тем лучше. Здесь надо действовать самой, чтобы наверняка.

Глава 3. Черный слон

... А жертва в это время летела на вертолете, в очень неудобной позе, прикованная наручниками к металлической скобе в полу, с мешком на голове, и небольшой котомкой с личными вещами, зажатыми между коленей.

Руки и ноги затекли. Еле слушались ... «Три тысячи шестнадцать, три тысячи семнадцать...» Захар считал. Цифры складывались в десятки, сотни, тысячи. Значит, полет продолжался давно. Более трех часов. Куда же его везут? На расстрел? А может меня уже расстреляли и я просто не заметил перехода из одного состояния в другое? Вот что это за шум? Грохот лопастей или ангелы крыльями машут? Его тряхнуло. Плечо коснулось чего-то мягкого. Наверное, такого же сидельца, как и он. Шум изменился. Стал тише. Пока, наконец, совсем не затих. Вместо него появились другие звуки. За шесть лет ставшие ему знакомыми и практически родными. Лай собак и крики конвоиров. Пока еще не разборчивые. Куда же меня привезли? Зачем?

Как Захар не старался отрешиться, вопросы все равно лезли в голову. Мешались, путались. Пробуждали надежду. Человек всегда живет ей. Это самое последнее, что можно у него отнять. И первое, что возвращается к человеку, в любой даже безвыходной ситуации. А вдруг! Вдруг сейчас все поменяется к лучшему. Ведь еще не все потеряно. Не все.

Раздался металлический лязг. Лай собак стал громче, а крики конвоиров громче.

– Не двигаться. Кто поднимет голову – стреляем на поражение! – услышал Захар команду и напрягся. Раздались шаги и скрежет когтей по алюминиевому полу. Звуки отщелкивающихся наручников. Команды. Удары прикладов. Стоны. Рыки и скуление собак.

– Колени не разгибаем. Выходим.

Захар услышал, как над его головой склонилась чья-то пасть. Кто-то тяжело задышал ему в ухо. Собака. Догадался он. Его ткнули чем-то острым в бок.

– Колени не разгибаем. Выходим.

Захар почувствовал, что его отцепили от наручников. Он перехватил свою котомку, и на четвереньках пополз в том направлении, куда его толкали. В какой-то момент с его головы сорвали мешок. Яркий свет ударил ему в глаза. Он зажмурился, и не смог прикрыть глаза руками.

– Головы не поднимать. Смотреть в пол. Не осматриваться.

Он увидел несколько ступенек вертолетного трапа. Сапоги вертухая.

– Имя, фамилия. Номер дела. Статья.

– Захар Васильев. Дело номер 23-45. Статья 105, – привычно прокричал Захар и почувствовал, что ему на лбу чем-то мазнули. Крест на крест. Запах подсказал, что это зеленка.

– Не останавливаться. Принять позу для этапирования. Пошел. Вперед.

Его толкнули в спину, видимо стволом автомата, и он, согнувшись буквой «Г» и задрав сзади вверх две руки, в одной из которых по прежнему была котомка, растопырив пальцы, с открытым ртом побежал-засеменил по узкому коридору из ненавидящих его псов, которые удерживались на поводках охранниками в зеленых камуфлированных робах.

После душа чуть теплой водой и основательного шмона, во время которого были проверены все швы его одежды и у котомки, Захару разрешили одеться, и отвели в камеру.

Первой приятной неожиданностью для него стало то, что камера была не пуста. До этого шесть лет его держали в одиночке. А тут, какой-никакой, сосед. Когда открылась дверь, тот привычно вскочил с табурета, уперся лбом в стену на уровне колен, задрал руки вверх, растопырив пальцы и прокричал.

– Зуфар Салымов. Дело номер 12-12-Б. Статья 105.

Захара поставили рядом с ним в такую же позу и заставили прокричать свое имя и статью. Пока Захар кричал, он чувствовал лбом шероховатость бетона. Конвоир зачитал им распорядок и правила поведения.

– Все ясно?

– Так точно, товарищ начальник, – прокричали они в унисон, продолжая стоять в такой же позе, пока дверь камеры не закрылась и не опустилась металлическая щеколда глазка. Постояв для верности еще несколько секунд. Они смогли, наконец, выпрямиться и посмотреть друг на друга. Захар еще успел осмотреться. Каменное помещение, с дыркой в полу для отправления естественных надобностей и двумя кроватями, двумя тумбочками и двумя табуретами, прикрученными к полу. В сущности, им было не о чем говорить. По тому, что они прокричали конвоирам, они и так все поняли друг о друге. И, тем не менее, Захар не удержался и по забытой давно традиции, протянул руку вперед.

– Захар.

Сосед по камере очень странно посмотрел на его ладонь. Захар отлично понял его взгляд. Совершенно не понятно, как долго они будут находиться вместе. Может несколько лет, а может несколько минут. Кто знает? А если несколько минут, то какой смысл обмениваться какими-то рукопожатиями. Но Захар продолжал держать свою руку ладонью вверх. Ему очень хотелось ощутить тепло чужого человеческого тела. И, в конце концов, сосед нехотя вложил свою ладонь в его пальцы, со словами.

– Зуфар.

Снова щелкнула щеколда глазка. Захар и Зуфар тут же развернулись и уперлись лбами в стену. Подняли вверх руки, растопырили пальцы, открыли рты. Так они простояли минут десять, пока щеколда снова опустилась, и они снова смогли выпрямиться. Захар сделал несколько шагов по камере. Зуфар устало опустил на табурет.

– Заебался я скакать как горный козел, – прохрипел он вдруг. – И ты не вздумай маячить у меня перед глазами. Не раздражай.

Захар никак не отреагировал на его слова, но все же остановился перед зарешеченным окном и начал смотреть в него. В узкую щель можно было увидеть лишь кусок серого неба. Глазу не за что было зацепиться.

– Где мы? Не знаешь? – спросил он.

– Какая разница? – огрызнулся Зуфар, но потом все же ответил спокойнее. – Мне на этапе успели шепнуть, что это какая-то новая зона. Вроде бы «Черный слон» называется.

– Черный слон, – повторил Захар и посмотрел на руки, покрывшиеся мурашками. – Околеем мы тут от холода?

– Сейчас вечер, солнце почти зашло. Днем теплее, – показал свою осведомленность Зуфар.

Снова щелкнула щеколда глазка...

Ночью щеколда не поднималась. Просто потому, что все равно в камере ничего не было видно. Электрического света не было. Только естественное освещение. В окно не было видно даже луны. Захар лежал под одеялом, накрывшись с головой, всеми силами сохраняя тепло. Слышал, как сосед встал и подошел к яме. Раздался звук струи. Запах мочи. Захар старался уснуть, но сна не было ни в одном глазу.

Куда его привезли? Зачем? Здесь приводят приговор в исполнение? Он не хотел думать об этом. Тогда о чем? Единственным светлым пятном в его жизни были те несколько дней, которые он провел с ней. С Людмилой. Со временем ее образ для него становился все более и более размытым и святым. Она ни разу не ответила на его письма, но это и правильно. Он сделал все, чтобы она жила, взял всю вину на себя. Ее имя даже не звучала на суде. Он вспомнил

ее руки, ее волосы, ее тело. Ее ласки. И с улыбкой на лице провалился в сон, чтобы проснуться от того, что на его горле сомкнулись пальцы соседа.

Захар задергался как будто рыба, выброшенная на берег. Замахал руками и видимо, угодил нападавшему куда-то пальцем в глаз, потому что тот вскрикнул и ослабил хватку. Захар выбрался из одеяла, и завалил Зуфара на холодный пол, лицом вниз, сел на него сверху, заломив руки за спину.

– Ты, что с ума сошел, – зашептал Захар прямо в ухо своему противнику. – Какая муха тебя укусила?

– Пусти! Я тебя вспомнил, – ответил Зуфар, также шепотом. – Я тебя все равно убью.

– За что?

– Ты убил моего троюродного брата Заура и его троюродного брата Икара.

– Я уже свое получил за них.

– По закону кровной мести ты должен умереть от рук родственников. Мне уже нечего терять, но моей семье это зачтется. Люди будут знать, что с семьей Салымовых шутки плохи.

Захар надавил на руки Зуфара так, что у него захрустели кости.

– Убивать я тебя не буду, – ответил он, – но руки переломаяю. Чтобы у тебя и в мыслях не было ко мне подходить.

– Загрызу, – харкнул Зуфар.

– Зубы выбью. Ноги переломаяю. Зуфар, какая кровная месть? Ты что, очнись, мы в Черном слоне. В полной жопе.

Зуфар еще несколько раз дернулся и начал говорить в пол.

– Пусти, зачем тебе цепляться за жизнь. Нас все равно расстреляют как собак и заркоуют в землю без молитв. Я же тебе оказываю услугу. Убью тебя своими руками. Ты уснешь и не проснешься. И не будешь мучаться в ожидании приговора. А ты окажешь услугу мне. Понимаешь. Кровная месть может быть смыта только кровью. Я стану святым у себя на родине. Моих родственников будут почитать.

Захар надавил на локти Зуфара.

– Где твоя Родина?

– Далеко. В горах. – Зуфар назвал какой-то адрес, который ничего не значил для Захара. – Джейрахский район, есть небольшой аул рядом с селом Гули. Я родом оттуда.

Захар порылся в памяти. Нет, в Чечне, он не слышал таких названий.

– Ты не чеченец?

– Ингуш.

– Что ингушы всегда вопросы решают только кровью? По другому нельзя?

– Можно. Но для тебя этот способ не реален.

– Что за способ?

Зуфар молчал, и тогда Захар выкрутил ему большой палец. Он застонал, и чтобы ослабить боль начал говорить.

– Чтобы получить прощения у рода, ты должен встать на колени в центре аула и стоять месяц пока тебя не простят старейшины, а потом – заменить убитых тобой мужчин, взяв на содержание их жен и детей. – Зуфар дернулся, ослабляя хватку. – Видишь, для тебя это не реально. Пусти. Я убью тебя легко.

Щелкнула щеколда глазка. Захар дернулся, чтобы встать, но передумал и остался сидеть на Зуфаре. Тот зашипел.

– Пусти, они сейчас войдут.

Захар наклонился к самому его уху.

– Пушу, если пообещаешь выкинуть свою идею из головы.

– Нет.

Раздался звон ключей. Дверь камеры распахнулась. Яркий свет из коридора осветил лежащих на полу мужчин в полосатых робах. Их камера была настолько мала, что орудовать дубинками в ней было неудобно. Два охранника выволокли в коридор сначала Захара, потом Зуфара. В коридоре они отходили их так, что оба уже не могли стоять, а затем старший вертунхай приказал.

– В карцер обоих. На неделю. А там посмотрим.

На следующий день Захар пожалел о том, что отказался от предложения Зуфара. Черный бетонный ящик. Без окон, без кровати, без стула. Железная холодная дверь. Расстояние от стены до стены такое, что не вытянуть руки и ноги. Все суставы в постоянном напряжении. Отекают и ноют, ноют, ноют. Холодный пол. Холодные стены. Спина стала ныть уже через час. Еще через несколько часов он начал биться головой о гладкую поверхность, стараясь удариться виском, чтобы закончить свои мучения, но лишь содрал кожу на лбу.

Тогда он в бессилии упал на пол в позе эмбриона и забылся. Ему снова вернулся образ Людмилы. Она как некое существо из другого светлого мира манила его руками к себе. Звала за собой, обещая покой и полную свободу. Ему надо было только протянуть ей руку. Схватить ее за пальцы. Но руки упирались в стены и не могли выпрямиться. Ногти скребли по бетону, срывались в кровь. Кошмар снова и снова накатывался на него. И так до тех пор, пока он не услышал голоса.

– Что с ним?

– Переохлаждение, переутомление, бессознательное состояние.

Кто-то склонился над ним, светя фонариком прямо внутрь мозга.

– О, реакция есть, дети будут. Живучий.

– Доктор, его можно поставить на ноги? Или как-то привезти в порядок.

– Ну, поместим в лазарет, подключим к капельнице. А там посмотрим. Ничего обещать не могу.

– Доктор, с меня премия в квартале, если поставишь. К нам едут представитель Президента и эти журналисты, не хотелось бы, чтобы они случайно увидели этого доходягу.

Захар сквозь красную пелену увидел двух мужчин. Одного в белом халате, другого – в форме офицера внутренних войск.

– Да, не повезло парню, – ответил доктор офицеру. – Несите его в палату. Будет возвращать к жизни.

Доктор взял руку Захара и начал считать пульс.

– Ты парень, это, не подведи. Мне премия нужна. Жене сапоги покупать.

За кромешной чернотой пришел белый свет, но от этого состояние Захара нисколько не изменилось. Он лежал и смотрел в потолок. Ломаная линия трещины, а в углу – паутина. Лошадиная доля глюкозы через капельницу в вену по капле возвращало тело Захара к жизни, но не могла вернуть его душе покоя и свободы. Ему снова снилась Людмила, и снова она звала его к себе, протягивала руку, а он пытался схватить ее, но то и дело хватал пустоту. За Людмилей неизменно оказывался Зуфар. Он тянул к его горлу руки и кричал: «Давай, я тебе помогу!» Далекое и близкое все смешалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.